

УДК 81

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-439-442

ХУСИХАНОВ Ахмед Мусаевич,
доктор филологических наук, профессор,

KHUSIKHANOV Akhmed Musaevich,
Doctor in Philology, Professor,

ТЕМАЕВА Хава Нохаевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
Отечественной и мировой литературы

TEMAEVA Khava Nokhaevna,
Candidate for Doctorate in Philology, Associate Professor
at the Chair of Russian and World Literatures

**ПОЭТИКА АБСУРДА В РАССКАЗАХ
ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ**

**POETIC STYLE OF THE ABSURD SHOWN IN
THE SHORT STORIES BY TATYANA
TOLSTAYA**

Данная статья посвящена особенностям поэтики «малой прозы» одного из лучших современных писателей России Татьяны Толстой. Творчество Татьяны Толстой следует рассматривать в контексте постмодернистских идей. В книгах постмодернистов, провозгласивших новые художественные и эстетические ценности, мир предстает как хаос, абсурд, хотя каждый из писателей вкладывает свой смысл в понятие «абсурдность». Татьяна Толстая представляет абсурдность как разлад между «мечтой» и «действительностью». С точки зрения обывателя, мечта – это абсурдность, поэтому «абсурдные» герои Т. Толстой не могут найти себя, теряются в мире, где все логично и правильно, но где нет места сказке и фантазии.

The paper examined the specifics of a poetic style of «short story prose» proper for one of the best contemporary Russian novelists Tatiana Tolstaya. One should consider the creative pieces by Tatiana Tolstaya in the framework of the concepts generated by the Postmodernism. In the books written by Postmodernists who had proclaimed new values of art and aesthetics, the world represents a mess and absurdity, although every writer put his/her meaning to the notion of “absurdity”. Absurdity for Tatiana Tolstaya means discord between “dream and reality” taken for an antithesis. Petty-minded individuals perceive dreams as absurdity, that is why the «absurd» characters described by Tatiana Tolstaya are incapable to discover their calling and lost in the world where everything looks reasonable and correct, but no place is given to fairy-tales and fantasy/imagination.

Ключевые слова: Татьяна Толстая, постмодернизм, мечта, действительность, абсурдность, абсурдный, сомнамбулизм, сомнамбула.

Key words: Tatyana Tolstaya, Postmodernism, dream, actuality, absurd, absurd, sleepwalking, sleepwalker.

80-е гг. XX в. принято считать началом постмодернизма – нового философско-культурного и литературно-эстетического направления, ставшего совокупностью «теоретических и художественных движений, которым свойствен принципиальный эклектизм и фрагментарность, отказ от больших, всеохватывающих мировоззрений и повествований» [7]. **Постмодернизм стал переходом к новому «модусу мышления»,** в основе которого лежат новые принципы мировосприятия, исключающие, прежде всего, всякое подавление или ограничение. Раскрепощение, открытость, размытость границ, отрицание прежней иерархии ценностей и канонов свойственны постмодернистскому сознанию, анализирующему мир с точки зрения иных философских и эмоционально-эстетических представлений, смыслов, оценок.

Постмодернизм отвергает реалистическое представление о характере и обстоятельствах. Мир постмодернисты воспринимают как хаос, абсурд, лишенный причинно-следственных связей и ценностных ориентиров. Но, моделируя «иную реальность», в основе которой лежит индивидуально-личностное восприятие мира, постмодернист не живет иллюзиями и не погружается в пессимистическое отчаяние, а приходит к выводу, что «мир надо воспринимать таким, каков он есть, со всей его мерзостью и жестокостью. Человеку не дано сделать его лучше, т.к. его природа несовершенна, и он неизбежно будет продуцировать то негативное, что изначально ему присуще» [1].

Исследователи постмодернизма говорят сегодня о двух его модификациях – западной и восточной, рассматривая в рамках последней и русскую его ветвь [4]. Но в России постмодернизм пошел по совершенно иному пути. В отличие от западного, постмодернизм в России носил ярмарочно-праздничный характер. Но вся эта калейдоскопическая пестрота и яркость «клочков», «осколков», «лоскутьев» бессмысленного, абсурдного мира, эта «прелесть хаоса», демократическая вольность с общепризнанными идолами и святынями, проходившая в форме «веселой игры», веселила читателя, хотя, дойдя до финала произведения, он начинал понимать, что все это веселье, сопровождаемое искрометным юмором и меткими сатирическими оценками на всем протяжении повествования, есть не что иное, как «смех сквозь слезы», «пир во время чумы».

Размышляя о литературе русского постмодернизма, мы хотим остановиться на особенностях абсурдного мира, созданного Татьяной Толстой, признанной одним из самых ярких авторов нового, постмодернистского, поколения.

Т. Толстая не раскрывает «правду о мире», поскольку в абсурдном мире как «хаотическом конгломерате... идеологий, традиций, стереотипов» [2] не может быть единой правды. Она

заменяет единую, универсальную правду множеством интерпретаций существующих в этом мире «правд», о которых рассуждает как она сама, так и ее герои, которые, неудовлетворенные убожеством своего существования, стремятся создать свой, абсурдный, мир, который станет противовесом «правильному миру», продиктованному реальной жизнью. Но в итоге их фатальное несовпадение мечты и реальности заканчивается конфликтом между реальным и выдуман- ным мирами, что заставляет автора горько иронизировать над «бытом» и «бытием» своих героев.

На страницах рассказов Татьяны Толстой живут «абсурдные» люди. Такова, к примеру, Соня, героиня одноименного рассказа. Соня – слабоумная или, говоря православно- христианским языком, юродивая, но на таких, как она, земля держится.

Все находящиеся рядом с Соней – люди «правильные», они живут в соответствии с зако- нами жизни. Но мгновение – и превращаются они в «тряпичных кукол» с «голубыми стекляни- стыми глазками» и «пустым черепом». Соня для них – «дура», разбрасывающая «восхити- тельные в своей непредсказуемости» «кристаллы глупости» по всему «порядочному» обще- ству. «Глупостью» это общество называет не только непорочность тела героини (Соня – старая дева), но чистоту ее души, доброту сердца и – главное – никогда не сбывшуюся мечту о свет- лой любви. Стерев грань между мечтой и реальностью, Соня идет навстречу своей мечте, при-думанной для нее шутки ради членами людского «правильного» коллектива, и... находит свою несостоявшуюся, вымышленную, любовь: «*Николай лежал под горой пальто, в ушанке, с чер- ным страшным лицом, с запекшимися губами, но гладко побритый. Соня опустила на ко- лени, прижалась глазами к его отекавшей руке со сбитыми ногтями и немножко поплакала. Потом она напоила его соком с ложечки, подбросила книг в печку, благословила свою счаст- ливую судьбу и ушла с ведром за водой, чтобы больше никогда не вернуться*» [5]. Так, «пра- вильному» по всем законам человеческого понимания миру Соня предпочитает мир «абсурда», где отсутствует логика и здравый смысл, но зато в нем есть место чувствам и «белому эмале- вому голубю», ставшему символом мечты, которая может жить только в «абсурдном» мире.

Соня – одна из тех «сомнамбул», от которых, по слову молодой писательницы Валерии Нарбиковой, «*осталась только видимость*» [3]. Сомнамбулы, как отмечает М.Н. Эпштейн, яв- ляются преобладающими персонажами литературы русского постмодернизма. По мысли дан- ного литературоведа, прототипами «сомнамбул» в русской литературе являются «лишние лю- ди» XIX века, «чуждые миру полезной однородности» [7]. Но, в отличие от своих предшествен- ников, «лишние люди» конца XX столетия уже не могут «выделиться и облагородиться этой лишностью среди неприкаянных вещей, неокупаемых денег, неприспособленных жилищ, не- проезжих дорог...» [7]. Сам окружающий мир сделался для них лишним и «лишние люди», «еще недавно гордые своей непричастностью, обособленностью от всего, разделили это свойство с окружающим миром – и растворились в нем. Лишние люди стоят в очередях и сбиваются в стаи, но от этого не укореняются в бытии – напротив, само бытие становится призрачно- безлюдным» [7].

Сомнамбулизм и есть последняя фаза развития «лишних» людей. Сомнамбулы – «лица, не успевшие ничего совершить и обдумать, сразу же тонущие в апокалиптическом тумане» [7]. Это и Денисов, герой рассказа «Сомнамбула в тумане», идущий против течения и заменивший свою реальную жизнь мечтой – о далеких странах, неоткрытых островах, несовершенных по-двигах; и Петерс, герой одноименного рассказа, так и не нашедший себя в жизни, которая про-неслась мимо него, словно «*стремительный поток*», и Светлана, героиня рассказа «Огонь и пыл» – «*полуодетая, или одетая не с того конца: на босу ногу – детские задубелые боти- ночки среди зимы*» [5].

Такова и Наташа из рассказа «Вышел месяц из тумана», которая через всю свою жизнь пронесла детские впечатления о «*желтом рогатом Месяце*», вышедшем, «*глухо бряцая до- спехами*», «*из синего, черного, клубящегося тумана*».

Можно также вспомнить рассказы «Круг», «Река Оккервиль» и многие другие, повествую- щие о судьбах не просто людей-неудачников, а людей, «выпавших» из этой жизни, отсутствую- щих в ней: «троньте их за плечо, потрясите хорошенько – не заметят. Словно бы вся их актив- ность – от лунных чар, а на земле они давно уже спят, блаженно или тревожно» [7]. «*Ночь дует в спящее лицо*» – это сказано про ученого-биолога из рассказа «Сомнамбула в тумане», кото- рый, лишившись работы из-за того, что мыслил «не как все», стал наяву сомнамбулой. Но, живя в своем «перевернутом» мире, он не собирается возвращаться к реальности, преодолев свою болезнь, а убегает от тех, которые собрались помочь ему покинуть «абсурдный» мир. «*Он бе- жит по бездорожью, смежив вежды, вытянув руки, с тихой улыбкой, словно видит то, что не видят зрячие, словно знает то, что они забыли...*» [6]. Этот бег по бездорожью есть бег в пу- стоту, бег туда, откуда нет возврата, потому что впереди – пропасть, обрыв. «*Неужели он не*

добежит до света?». Этим риторическим вопросом заканчивается рассказ «Сомнамбула в тумане». «Какой свет здесь подразумевается, после тумана и черного провала, не нужно и пояснять. Умиравшему грезится воскресение...» [7].

«Умер сам – научи товарища» [6] – горько иронизирует автор в рассказе «Сомнамбула в тумане». Все «сомнамбулы» Т. Толстой подвержены смерти, потому что законы их «абсурдного» мира не совпадают с законами реальности, в которой они вынуждены существовать.

Правда, бегут герои Татьяны Толстой не сразу «в смерть». Первым этапом такого «побега» является «побег в детство». Детство – это *«сад», «без конца и края, без границ и заборов, в шуме и шелесте, золотой на солнце, светло-зеленый в тени, тысячеярусный – от вереска до верхушек сосен»* («На золотом крыльце сидели») [5]. В мировой культурной традиции сад, именуемый, согласно библейской книге Бытия, Эдемом, – классическая универсалия, являющаяся образом мироздания. Совершив замену «сада» на «детство», автор закрепляет за ребенком божественное начало. «Будьте как дети ибо их есть Царство Небесное» (Мк. 10: 14).

Но бегство героев Т. Толстой в детство-сад – это своего рода протест, несогласие с прозаичностью жизни. Этим объясняется постоянное стремление героев к выдумкам как средству выхода из обыденности жизни и преодоление серости, причем у некоторых персонажей это стремление осуществляется стихийно, на подсознательном уровне. Однако детство, хотя и является «лицом сказки», всегда сталкивается у Т. Толстой с другой реальностью – со страшной действительностью, в результате чего «праздник жизни» оказывается неотделим от «пропасти небытия», то есть от смерти. Поэтому многие герои Т. Толстой, не сумев преодолеть конфликт сказки (мечты) с действительностью, гибнут (одни – физически, другие – духовно).

Бегство героев Т. Толстой из реального мира в свой особый, иллюзорный (с позиций «нормального» человека – абсурдный) мир не всегда можно рассматривать как выход из круга бытовых страданий. В этом мире с точки зрения абсурдной логики, которой придерживаются «сомнамбулы» Т. Толстой, мало красок, он беден, убог и скучен. Но и богатый оттенками абсурдный мир не дает ответа на вопрос: что ценнее для человека – жизнь реальная или вымышленная; мир правильный, где все «по полочкам», или мир «абсурдный», мир детского сознания, воображения? Борьба за мечту оказывается непосильной для многих героев Татьяны Толстой, поэтому многие из них отказываются от мечты в пользу «уютной скорлупы», какую им предлагает жизнь. Так, слабоумный Алексей принимает «правду жизни», реально существующую действительность: *«... страшные карлики снова провалились под землю, жизнь торжествует»* (рассказ «Ночь») [5]. Но счастлив ли он? Отказ от «своего мира» приводит к раздвоенности героя, к двум «Я», сидящим внутри одного и того же тела: один Алексей, подняв голову к *«черному куполу»*, небу, тянется к звездам, которые, словно *«маленькие сияющие бисеринки»*, повисли *«в черной пустоте»*, от чего тот кажется исполином. Другой Алексей *«съеживается»* и превращается в микроба, живущего либо в *«маковом зернышке»*, либо на *«остром кончике иголки»* [5]. Синтез реального и идеального, жизнеподобного и гротескного, логического и абсурдного пронизывает все творчество Татьяны Толстой. Можно даже сказать, что в ее произведениях происходит формирование нового типа поэтики, преобразующего элементы всех традиционных и нетрадиционных систем в «новое химическое соединение», – поэтики абсурда. При этом абсурд культивируется писательницей как течение мысли, идей и образов. В целом же «малую прозу» Т. Толстой нельзя назвать абсурдистской, она в высшей степени реалистична как по форме, так и по содержанию: в основе рассказов писательницы лежит социальный контекст и внутренний, смысловой, стержень. Но именно «абсурдность» поведения героев Т. Толстой, «абсурдность» их мышления и бытия помогают заострить внимание автора на проблемах личности и общества, на противоречиях современной действительности. Формы игры, карнавала, фантазийного коллажа способствуют более глубокому осознанию несовершенства того мира, в котором живет заблудшее и погибающее человечество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дуркина Г.Г. Литература постмодернизма. – Минск, 2010. – 89 с.
2. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950– 1990-е годы: В 2 т. –Т. 2: 1968–1990. – М.: Академия, 2003. – 688 с.
3. Нарбикова В. Равновесие света дневных и ночных звезд. URL: <http://novostiliteratury.ru/excerpts/valeriya-narbikova-ravnovesie-sveta-dnevnyx-i-nochnyx-zvezd/>
4. Прохорова Т.Г. Постмодернизм в русской прозе. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – 96 с.
5. Толстая Т.Н. Не Кысь: рассказы, статьи, эссе. http://www.imwerden.info/belousenko/books/tolstaya_ne_kysj.htm.
6. Толстая Т.Н. Сомнамбула в тумане. URL: http://lib.rnvoz.ru/bigzal/tolstaja_somnambula

7. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. – М.: Высшая школа, 2005. – 495 с.

REFERENCES

1. Durkina G.G. *Literature of postmodernism*. Minsk, 2010. 89 p.
2. Leidermann N.L., Lipovetsky M.N. *Modern Russian literature*. 1950 - 1990. Intwovolumes. Vol. II: 1968 – 1990. Moscow. Academia, 2003. 688 p.
3. Narbikova V. *Light balance of the day and night stars*. URL: <http://novostiliteratury.ru/excerpts/valeriya-narbikova-ravnovesie-sveta-dnevnyx-i-nochnyx-zvezd/>
4. Prokhorova T.G. *Postmodernism in Russian prose*. Khazan: Khazan State University. 2005. 96 p.
5. Tolstaya T.N. *Kyss is out: stories, articles, essays*. http://www.imwerden.info/belousenko/books/tolstye/tolstaya_ne_kysj.htm.
6. Tolstaya T.N. *Sleepwalker in the fog*. URL: http://lib.rmvoz.ru/bigzal/tolstaja_somnambula
7. Epstein M.N. *Postmodern in Russian literature*. Moscow. Vysshaya shkola, 2005. 495 p.

Информация об авторе

Хусиханов Ахмед Мусаевич, доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Ингушского государственного университета, г. Магас (Республика Ингушетия), Россия
kh.akhmed@mail.ru

Темаева Хава Нохаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры Отечественной и мировой литературы Чеченского государственного университета, Грозный. (Чеченская республика), Россия
temaeva25@mail.ru

Получена: 14.09.2015

Information about the author

Khusikhanov Akhmed Musaevich, Doctor in Philology, Professor, Acting Head of the Chair of Russian and Foreign Literatures, Ingush State University, Magas city, (Ingushetia), Russian
kh.akhmed@mail.ru

Temayeva Khava Nokhaevna, Candidate for Doctorate in Philology, Associate Professor at the Chair of Russian and World Literatures of the Chechen State University, Grozny city, (Chechen Republic), Russia
temaeva25@mail.ru

Received: 14.09.2015